
ЗВЕЗДНОЕ НАСТРОЕНИЕ

ДОЛИНА ДРАКОНОВ

Книга первая

Магическая Практика

Книга вторая

Магическая Экспедиция

ЕЛЕНА ЗВЕЗДНАЯ

Долина драконов
Книга вторая
Магическая Экспедиция

Москва
2018

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
3-43

Разработка серийного оформления
Ф. Барбышева, А. Саукова

Иллюстрация на переплете *С. Дудина*

Звездная, Елена.

3-43 Долина драконов. Книга вторая. Магическая Экспедиция / Елена Звездная. — Москва : Эксмо, 2018. — 384 с. — (Звездное Настроение).

ISBN 978-5-04-095267-0

Всегда помни — если ты безродная сирота, ты будешь виновата, даже когда просто уклонилась от чужого заклятия. Всегда знай — обеды с главами разведывательных служб ни к чему хорошему не приведут, особенно если к вам за столик неожиданно подсядет Владыка драконов. Но всегда верь, что даже из самой безнадежной ситуации есть выход, пусть и ведет он в холодный, засыпанный снегами Горлумский лес. Вот только никогда — никогда! — не нарушай запреты Черного дракона. Иначе все предыдущие опасности покажутся тебе легким увлекательным приключением по сравнению с тем, что с тобой сделает Ирэнарн-Ррат-Эгиатар.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Звездная Е., 2018

© Оформление.

ООО «Издательство «Эксмо», 2018

ISBN 978-5-04-095267-0

В Горлумском лесу, покрывавшем большую половину территории нашего королевства, среди древних, переживших не одно столетие деревьев, скрытые непроходимой чащей от королевских сборщиков налогов, прятались десятки маленьких деревушек. И прятались весьма успешно. Нет, изредка их обнаруживали, но вскоре вновь благополучно теряли, так как едва ли переведутся маги, готовые продать лесному жителю простейшую заплутайку или мощный отвод глаз. Государство же на своих сборщиках налогов экономило знатно, от того с поисковыми отрядами магов не отряжало ввиду дороговизны их магических услуг. Время от времени король издавал указ, по которому все граждане, имеющие сведения о «незаконных лесных поселениях», во имя долга перед родиной обязаны были донести эти самые сведения королевским чиновникам, аки птицы из долга родительского доносят пищу в клювиках своим птенцам. Но то ли народу не нравилось сравнение с птицами, то ли никто не любил прожорливых чиновников, в итоге сведения никто не нес.

В результате ситуация складывалась следующая: казна нищала, лесной народ богател, король, которому и так «призрак триждыпроклятый» досаждал, становился все печальнее и печальнее. Однако, вероятно, все оставалось бы по-прежнему, если бы не одно «но» — монарх был неистово, безумно и невероятно зол на главу королевского Университета Магии.

Зол настолько, что в один вовсе не добрый день в УМ примчался королевский посольный, гордо въехал в университетский двор и попал в не слишком красивую ситуацию.

— Отребье, ты пожалеешь! — орал мне вслед Айван Горски, собирая энергию для удара.

Я ощущала ее привычным давлением в основании шеи, вызывающим непроизвольное желание сглотнуть, но даже не обернулась. Бояться Горски мне смысла не было — за два минувших месяца я, недосыпая ночами, вызубрила весь курс «Магии индивидуальной защиты», а потому, даже не особо напрягаясь, создала зеркальный щит, намереваясь активировать, как только Айван нанесет удар. При чем это далось настолько легко, что я даже успела полюбоваться на торжественный въезд гонца на территорию УМа и вежливо улыбнуться горделивому молодому человеку с напомаженными усами и волнами явно магически уложенных кудрей.

И в этот момент Горски ударил со всей, удвоенной благодаря родовым артефактам, мощью. Стремительно оборачиваясь, я активировала зеркаль-

ный щит, но не рассчитала и, поскользнувшись от резкого поворота, начала падать, чем исказила угол отражения. И наполненное энергией артефактов заклинание, отрикошетив от моего щита, угодило не обратно в Горски, а ударило прямым в королевского гонца!

Айван, узрев это, взвыл в ужасе и поступил так, как поступал всегда при столкновении с любой опасностью, — бросился улепетывать. Да так, что только красные подошвы его щегольских сапог и сверкали... С перекошенными от ужаса лицами, от чего-то прикрыв уши, вслед за предводителем бросились и все его приспешники, и сочувствующие, и даже знакомые. А я как-то совсем запоздало поняла, что сбежавшие все сплошь были отпрысками придворных, просто побег был столь странным, а лица исполненными невыразимого ужаса, что и я, и присутствовавшие во дворе студенты не столь знаменитых фамилий были слишком удивлены, чтобы последовать здравому примеру аристократии.

Увы, мы остались. И даже с каким-то интересом, я так точно, уставились на застывшего королевского посыльного, который краснел, бледнел, багровел и смотрел на нас огромными округлившимися глазами.

— Чай, лопнет сейчас, — предположил Славен, подходя ко мне и протягивая руку.

— Не думаю, чтобы Горски направил в меня смертельно опасное заклинание, — принимая по-

мощь и поднимаясь, сказала я. — Он все-таки сплести хотел, а не стереть меня с лица земли.

— Ну... тогда с чего бы им всем убежать? — полюбопытствовал парень, которому очень шла новая мантия. Всем стипендиатам новые выдали, но только Славену она действительно шла... Может, потому, что он был единственным, кому повезло и мантию выдали по размеру?

Я недоуменно пожала плечами и посмотрела на посыльного, а впрочем, все смотрели на него, не зная, чего ждать, и на всякий случай активировав щиты. Лично я ожидала чего-нибудь вроде ветряной сыпи, того, что гонец покроется прыщами к примеру, лишится волос, зубов, на крайний случай, что рухнет на колени и начнет превозносить Горски на все лады. Айван просто очень любил себя и подобный способ ставить неудобных на место.

Если бы я только знала...

Если бы только все присутствующие знали...

Если бы хотя бы мела привычная всем метель, валила с ног снежная буря, завывал бы буран и прочее — но нет, сегодня было совершенно ясное небо, а потому, когда над посыльным развернулось красноватое, подобное листу, присыпанному глиной, магическое полотно, его увидели все! Не только мы, но и те, кто находился на расстоянии трехсот шагов от университета. И все уставились на это призрачное полотно, сильно заинтересован-

ные, однако с еще большим интересом подались вперед, когда на нем возникла надпись:

«Срочное секретное донесение его королевскому величеству Умарху Третьему от восьмого яросня от верноподданого мага Гарнилиуса. Великий, истинный, святопомазанный, гениальнейший и умнейший, простите, сегодня я вынужден быть краток и не могу в полном объеме выразить вам свое восхищение и уважение, ибо сообщить должен — орден «Мучительной гибели всех драконов» требует от вас решительных действий, ваше величество. И знать желают, что там с тем ядом, экспериментальный состав коего вы передали магистру Агтинуру для испытания на гадах подлых из комиссии проверяющей. Издохли ли? Мучительно ли? Корчились ли поганые?»

В этот момент я поняла страшное — мы все трупы. Все, кто успел прочесть это, все, кто просто имел возможность увидеть эти строки из явно секретного послания для самого короля! Зато ни я, ни все присутствующие ни на миг не встревожились о драконах — магистр Агтинур просто совсем не враг самому себе, чтобы даже пытаться подсунуть яд драконам. И все, кто знал ректора нашего университета, могли головой ручаться — яд он во дворце несомненно взял, а потом остороженько вылил где-нибудь в лесу, не доезжая до учебного заведения. Потому что не дурак и дураком никогда не был.

Так что драконы были в безопасности, и магистр Агтинур был в безопасности, а вот мы — нет! И те, кто не осознал этого, прочтя первый секретный документ, несомненно прозрели, увидев второй:

«Срочный секретный королевский указ: деревеньку Седые Веды сжечь дотла! Не жалеть ни баб, ни ребятишек! В происшествии обвинить богомерзкий Рассат». И подпись: «Умарх Третий». И дата: «восьмое яросня», то есть сегодня.

Вот после этого народ побежал. Да не то что побежал — ринулся врассыпную, осознав, что король сделает с теми, кому стало известно содержание секретных документов.

Я не побежала, понимала, что поздно, страшное уже произошло, а еще... еще откровенно говоря, даже немного порадовалась тому, что оно произошло. Деревня Седые Веды от нашей Переславенки в дне пути располагалась, так что мы с бабушкой по весне в нее на ярмарку ходили. Это была большая деревня, разбогатевшая за счет того, что граница княжества Рассат от нее через реку находилась, а потому зерно свое крестьяне не королевским скупщикам за медяки отдавали, а продавали рассатовским торговцам за полновесные серебряные монеты. И потому деревня росла, богатела, поля засеивались не высевкой, оставленной скупщиками из жалости после долгих просьб и молений, а качественным отборным посевным зерном, плуги и прочий инструмент так же крестьяне в Рассате закупали, а там хоть княжество и мелкое,

но за качество стоят, и служил рассатовский скарб не одному поколению. Не то что в других деревнях, где крестьянин по четыре плуга за жизнь сменял, разоряясь каждый раз на покупку нового. И королю бы радоваться тому, что Седые Веды исправно налог платят, и не малый, но нет, нашему Умарху жадность глаза застила, в итоге... А радовалась я вот чему — теперь, когда все известно стало, я понадеялась, что отменит он приказ свой, может, даже объявит, что клевета это, ложь и навет... Иначе ведь народ не глуп, сообразят люди, что очень уж странно однажды загорелись Козловы Кряжи. Огонь-то погасили, на людское счастье рассатовские маги там рядом как раз практику своим первогодкам-стихийникам устраивали, вот совместными силами ливень и организовали, а если бы не они...

А потом до меня дошла прописная истина — не станет король отказываться от своих планов из-за огласки! Потому что огласки никакой не будет — нас всех просто поубивают!

Но уже в следующую секунду я узнала — что таки нет, таки мы будем жить. Недолго и вряд ли хорошо, но будем.

Потому что на магическом полотне появилась новая запись, и гласила она следующее:

«Я, король Умарх Третий, милостью и величием своим повелеваю — привлечь студентов Университета Магии для составления карты поселений Горлумского леса!» Далее подпись, дата...

Стало окончательно ясно, что за заклинание применил Горски. На магическом полотне появлялось содержание всех документов, к которым, видимо, за последние дни прикасался королевский гонец.

Ну вот, собственно, после этого бежать уже вообще не имело смысла, и, отойдя к скрытой за деревьями скамье, я села, кутаясь в плащ и в очередной раз мысленно поблагодарив Камали за такую потрясающую вещь — в этом плаще никогда не было холодно. Зябко по причине того, что ветер дул на лицо, но холодно — никогда. И в новых сапогах ноги никогда не мерзли, так что в зимнем саду на покрытой снежным настом скамейке я устроилась даже с комфортом, и принялась ждать.

Долго ждать не пришлось — не прошло и получаса, как ворота распахнулись и во двор университета въехал отряд королевских дознавателей. И рассмотрев неприязненный острый профиль возглавляющего кавалькаду, я с тянущей тоской, возникающей у каждого не желающего вляпываться в неприятности человека, узнала лорда Даметиса Энроэ, тайного, впрочем, ни для кого это тайной не было, советника короля. А вот рядом с ним, растрепавшийся, покрасневшийся, с выражением гадкой, на мой взгляд, абсолютной услужливости, ехал Айван Горски и что-то беспрестанно говорил и говорил... Я догадываюсь что — меня во всем обвинял.

Догадка только подтвердилась, когда лорд Энроэ, резко повернув голову, посмотрел прямо на меня так, словно деревья и ветки ничуть не препят-

ствовали его орлиному взгляду. Хотя... может, и не мешали, все-таки лорд Энроэ был магом, причем сильным магом, что и подтвердил — одним движением руки уничтожив рвущиеся на магическое полотно откровения. Сразу после этого королевский гонец рухнул с лошади в снег. Потом пала лошадь. А дознаватели в черном, словно стая налетевшего воронья, ринулись собирать всех, кто хоть что-то видел. Поэтому я ничуть не удивилась, когда фигура в угольном, развевающимся на поднявшемся ветру плаще, направилась ко мне. Скорее испытала удивление, когда при приближении дознавателя стало ясно, что это сам Энроэ.

И если бы в присутствии любого другого дознавателя я бы осталась сидеть, то лорд Энроэ — совсем другое дело. Поднявшись, склонилась в реверансе. Не уверена, что правильном и грациозном, все-таки деревенщины мы, пусть и с лучшими баллами по этикету и придворным манерам, но кровь не вода, и все такое.

— Госпожа Милада Радович, — раздался глубокий, низкий, профессионально вкрадчивый голос, — мое имя лорд Даметис Энроэ.

Я в этот момент очень понадеялась, что все допросы будут проходить в университетских помещениях, потому как слышать подобный голос в гулких застенках королевской тюрьмы, наверное, совсем жутко.

Выпрямившись после представления, я пронаблюдала не слишком почтительный поклон лорда

и, к сожалению, имела несчастье разглядеть мага вблизи. Лорд Энроэ не был молод, на вид ему было что-то около сорока–сорока пяти, сеть иссушенных ветрами морщинок покрывала большую часть его лица, острый нос вызывал не менее неприязненное впечатление, чем колючий взор глубоко посаженных темно-карих глаз, губы были плотно сжаты, с морщинками вокруг, намекающими на привычку лорда всегда издевательски ухмыляться. Я слышала, он любил поиздеваться... в прямом смысле этого слова.

Лорд Энроэ, выдержав паузу, протянул руку к скамье, что привело к мгновенному исчезновению на ней снежного наста, и предложил:

— Присаживайтесь, госпожа Радович.

— Благодарю вас, — отозвалась я, ну и присела как можно дальше от стоявшего дознавателя — на самый край скамьи, чем вызвала неприятную усмешку.

Однако лорд сел, не делая попытки приблизиться, левую руку закинул на спинку скамьи, правой извлек маленький карманный блокнот и тонкий черный карандаш. Положив блокнот на колено, демонстративно вписал мое имя, и началось:

— Как вам, вероятно, известно, я являюсь дознавателем, госпожа Радович.

— На это недвусмысленно намекает ваш плащ, — тихо заметила я.

Лорд окинул меня внимательным взглядом, кивнул и продолжил:

— И прибыл сюда с целью разобраться в происшествии, виновницей коего являетесь вы.

Я открыла было рот... и тут же его закрыла. Ну естественно я, кто же еще! Учитывая, что Айван Горски сломя голову помчался тут же доносить о случившемся, он проявил себя как истинный сын королевства, а я вообще осталась на месте преступления, как, собственно, преступник, желающий насладиться последствием своей противозаконной деятельности.

Судорожно вздохнув, обреченно уточнила:

— То есть все обнародованное магическим информационным полем — это плод моего больного воображения, а король никогда, вообще никогда ничего подобного не писал даже в мыслях?

— Вы умная девушка, госпожа Радович, — высказал своеобразную похвалу лорд Энроэ.

«Да нет, просто слишком хорошо знаю, кого в таких случаях делают крайним», — подумала я, но говорить не стала.

Где-то в глубине души начала зарождаться, к сожалению, вполне обоснованная паника, я поняла, что меня ждет масса всего унижительного и неприятного, надеялась только, что, ввиду королевской необходимости составления карты поселений Горлумского леса, мне сохранят жизнь. Очень надеялась.

— Где и что подписать и в какой форме я должна буду принести извинения королю, короне и отдельно Айвану Горски? — тяжело вздохнув, спросила я.